

Егеръ — эпизод 2 из 2

Тоже вот ежели который барин пойдет в ахтеры или по другим каким художествам, то не быть ему ни в чиновниках, ни в помещиках. Ты баба, не понимаешь, а это понимать надо.

Я понимаю, Егор Власыч.

Стало быть, не понимаешь, коли плакать собираешься...

Я... я не плачу... говорит Пелагея, отворачиваясь. Грех, Егор Власыч! Хоть бы денек со мной, несчастной, пожили. Уж двенадцать лет, как я за вас вышла, а... а промеж нас ни разу любви не было!.. Я... я не плачу...

Любови... бормочет Егор, почесывая руку. Никакой любви не может быть. Одно только звание, что мы муж и жена, а нешто это так и есть? Я для тебя дикий человек есть, ты для меня простая баба, не понимающая. Нешто мы пара? Я вольный, балованный, гулящий, а ты работница, лапотница, в грязи живешь, спины не разгибаешь. О тебе я так понимаю, что я по охотничьей части первый человек, а ты с жалостью на меня глядишь... Где же тут пара? Да ведь венчаны, Егор Власыч! всхлипывает Пелагея.

Не волей венчаны... Нешто забыла? Графа Сергея Павлыча благодари... и себя. Граф из зависти, что я лучше его стреляю, месяц целый вином меня спаивал, а пьяного не токмо что перевенчать, но и в другую веру совратить можно. Взял и в отместку пьяного на тебе женил... Егеря на скотнице! Ты видала, что я пьяный, зачем выходила? Не крепостная ведь, могла супротив пойти! Оно, конечно, скотнице счастье за егеря выйти, да ведь надо рассуждение иметь. Ну, вот теперь и мучайся, плачь. Графу смешки, а ты плачь... бейся об стену...

Наступает молчание. Над сечей пролетают три дикие утки. Егор глядит на них и провожает их глазами до тех пор, пока они, превратившись в три едва видные точки, не опускаются далеко за лесом.

Чем живешь? спрашивает он, переводя глаза с уток на Пелагею.

Таперь на работу хожу, а зимой ребеночка из воспитательного дома беру, кормлю соской. Полтора рубля в месяц дают.

Так...

Опять молчание. С сжатой полосы несется тихая песня, которая обрывается в самом начале. Жарко петь...

Сказывают, что вы Акулине новую избу поставили, говорит Пелагея.

Егор молчит.

Стало быть, она вам по сердцу...

Счастье уж твое такое, судьба! говорит охотник, потягиваясь. Терпи, сирота.

Но, иначе, прощай, заболтался... К вечеру мне в Болтово поспеть нужно... Егор поднимается, потягивается и перекидывает ружье через плечо. Пелагея встает.

А когда же в деревню придете? спрашивает она тихо.

Незачем. Тверезый никогда не приду, а от пьяного тебе мало корысти.

Злоблюсь я пьяный... Прощай!

Прощайте, Егор Власыч...

Егор надевает картуз на затылок и, чмокнув собаке, продолжает свой путь.

Пелагея стоит на месте и глядит ему вслед... Она видит его двигающиеся лопатки, молодецкий затылок, ленивую, небрежную поступь, и глаза ее наполняются грустью и нежной лаской... Взгляд ее бежит по тощей, высокой фигуре мужа и ласкает, нежит его... Он, словно чувствуя этот взгляд, останавливается и оглядывается... Молчит он, но по его лицу, по приподнятым плечам Пелагее видно, что он хочет ей сказать что-то. Она робко подходит к нему и глядит на него умоляющими глазами.

На тебе! говорит он, отворачиваясь.

Он подает ей истрепанный рубль и быстро отходит.

Прощайте, Егор Власыч! говорит она, машинально принимая рубль.

Он идет по длинной, прямой, как вытянутый ремень, дороге... Она, бледная, неподвижная, как статуя, стоит и ловит взглядом каждый его шаг. Но вот красный цвет его рубахи сливается с темным цветом брюк, шаги не видимы, собаку не отличишь от сапог. Виден только один картузик, но... вдруг Егор круто поворачивает направо в сечу и картузик исчезает в зелени.

Прощайте, Егор Власыч! шепчет Пелагея и поднимается на цыпочки, чтобы хоть еще раз увидеть белый картузик.